

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в. (на примере преподавания Закона Божьего в гимназиях Нижнего Поволжья)

А.С. Петров

Аннотация. Статья посвящена изучению национальной и религиозной политики в сфере классического мужского образования во второй половине XIX — начале XX века на примере преподавания Закона Божьего в гимназиях Нижнего Поволжья. Автор рассматривает нормативно-правовые основы преподавания этого предмета, его роль в формировании нравственных и мировоззренческих ориентиров учащихся, а также влияние национального и конфессионального состава гимназистов на образовательный процесс. Анализируя архивные документы, отчеты и циркуляры, автор приходит к выводу, что преподавание Закона Божьего не только служило инструментом религиозного воспитания, но и отражало государственную политику в отношении различных этноконфессиональных групп. В условиях многонационального состава учащихся возникали противоречия между официальными образовательными стандартами и потребностями местных сообществ, что в конечном итоге способствовало эволюции подходов к религиозному образованию в гимназиях региона.

Ключевые слова: гимназия, Закон Божий, Астрахань, Нижнее Поволжье, законоучитель, образование, устав, преподаватель.

Для цитирования: Петров А.С. Государственная политика в сфере образования в XIX — начале XX в. (на примере преподавания Закона Божьего в гимназиях Нижнего Поволжья) // Преподаватель XXI век. 2025. № 3. Часть 2. С. 324–336. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-324-336

STATE POLICY IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE XIX — EARLY XX CENTURIES (using the Example of Teaching Religious Education in the Gymnasiums of Lower Volga Regionc)

A.S. Petrov

Abstract. *The article is devoted to the study of national and religious policy in the field of classic male education in the second half of the 19th — early 20th centuries using the example of teaching Religious Education in the gymnasiums of Lower Volga region. The author examines the regulatory framework for teaching this subject, its role in shaping the moral compass and ideological outlook of students, as well as the influence of the national and religious pool of gymnasium students on the educational process. Analyzing archival documents, reports and circulars, the author comes to the conclusion that teaching this subject not only served as an instrument of religious education, but also reflected state policy towards various ethno-confessional groups. In the context of the multinational pool of students, contradictions arose between official educational standards and the needs of local communities, which ultimately contributed to the evolution of approaches to religious education in the gymnasiums of the region.*

Keywords: *gymnasium, Religious Education, Astrakhan, Lower Volga region, religion teacher, education, charter, teacher.*

Cite as: Petrov A.S State Policy in the Sphere of Education in the XIX — Early XX Century (using the Example of Teaching Religious Education in the Gymnasiums of Lower Volga Region). *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2025, No. 3, part 2, pp. 324–336. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-324-336

Нижеволжский регион всегда был особым местом, в котором переплетались множество народов и их культур. Присоединение новых территорий и населения, проживающего на них, сопровождалось постепенной русификацией и ассимиляцией малых народов. Система образования, которая начинает оформляться только к XIX в., играла важную роль в этих процессах. Но это не была политика угнетения. На примере преподавания основ религиозных учений и национальных языков народов, которые здесь проживали, мы можем проследить тенденцию сохранения государством основ национальных и религиозных общностей. Не происходило насильственного насаждения русской культуры, наоборот, поддерживалось всестороннее изучение культуры малых народов.

Начальный период царствования Александра I был ознаменован масштабными реформами в различных сферах государственной жизни, одной из которых стало преобразование системы народного просвещения. Важной вехой в развитии образования стало принятие в 1804 г. новых учебных программ, которые регламентировали содержание обучения в образовательных учреждениях Российской империи. В частности, в расписание занятий приходских и уездных училищ были включены дисциплины религиозного характера: изучение Закона Божьего и Священной истории. Эти предметы занимали важное место в образовательном процессе, поскольку предполагалось,

что они способствуют не только воспитанию нравственности у подрастающего поколения, но и укреплению духовных основ общества.

Важным этапом в развитии религиозного компонента отечественной системы образования стало значительное усиление роли предмета «Закон Божий», официально закрепленное в ноябре 1811 г. С этого времени преподавание данной дисциплины было установлено в качестве обязательного для всех образовательных учреждений Российской империи. Причем данное требование распространялось не только на гражданские учебные заведения, но и на учреждения военного профиля, что указывает на общеимперское значение предмета и его интеграцию в различные типы образовательных структур.

Закон Божий рассматривался не просто как элемент учебной программы, а как ее фундаментальное основание, обеспечивающее религиозно-нравственное воспитание обучающихся. В официальных нормативно-правовых актах особо подчеркивалось, что преподавание данной дисциплины должно сохранять обязательный характер на постоянной основе, независимо от возможных реформ в образовательной системе.

Значимость Закона Божьего в структуре учебного процесса проявлялась также и в порядке проведения аттестационных мероприятий: проверка знаний по данной дисциплине традиционно открывала как переводные, так и выпускные экзамены в школах и гимназиях. Тем самым подчеркивалась особая роль предмета в формировании мировоззренческих основ учащихся и его приоритетное положение в образовательной иерархии.

В контексте проводимых в начале XIX в. преобразований в сфере образования особое значение приобрело административное нововведение, осуществленное 21 октября 1817 г. В этот день Министерство народного просвещения было реорганизовано и получило новое наименование — Министерство духовных дел и народного просвещения. Данная структура функционировала до 1824 г. и была призвана институционализировать тесную взаимосвязь между религиозным и светским началами в системе образования.

Основной задачей министерства являлась координация политики в области воспитания и обучения с приоритетом на развитие духовно-нравственного компонента в образовательных учреждениях. Такое объединение сфер духовной и светской компетенции в рамках одного ведомства отражало государственную стратегию усиления влияния религиозных ценностей на процессы формирования личности учащегося. Создание Министерства духовных дел и народного просвещения стало важным этапом в развитии образовательной политики, ориентированной на интеграцию православной традиции в содержание и цели просветительской деятельности.

Главой нового министерства был назначен князь А.Н. Голицын, ранее занимавший должность обер-прокурора Святейшего Синода. Он говорил о необходимости гармоничного сочетания христианского благочестия, просвещения умов и устойчивости гражданского общества, что определяло политику министерства в области образования [1, с. 182].

Принятые в 1819 г. учебные программы продолжили курс на укрепление религиозного компонента в образовательных учреждениях. В гимназиях обязательными дисциплинами стали изучение Евангелия от Матфея с сопоставлением текстов

других евангелистов, а также изучение христианской нравственности. При этом важность религиозного воспитания подчеркивалась не только в рамках учебного процесса, но и в повседневной жизни учащихся. Так, посещение молитвенных собраний являлось строго обязательным, а за пропуск богослужений предусматривались различные виды наказаний. В соответствии с образовательной практикой того времени учащиеся обязаны были по воскресным и праздничным дням собираться для коллективного участия в богослужениях, что происходило либо непосредственно в учебном заведении, либо в ближайшем храме. Подобная форма организации внеучебной деятельности рассматривалась как неотъемлемый элемент воспитательного процесса, направленного на формирование устойчивых духовно-нравственных ориентиров у подрастающего поколения.

Регулярное присутствие школьников на религиозных службах должно было способствовать укреплению их религиозного сознания, дисциплины и приверженности традиционным христианским ценностям.

Анализ исторического развития преподавания Закона Божьего в образовательных учреждениях Российской империи в первой четверти XIX в. позволяет констатировать его исключительное значение в структуре учебного процесса. Данная дисциплина не только включалась в перечень обязательных предметов, но и рассматривалась как ключевой элемент образовательной модели, отражающей идеологические и духовно-нравственные ориентиры государства.

Закон Божий занимал в учебной деятельности приоритетное положение, оказывая значительное влияние как на содержание образовательных программ, так и на формирование мировоззренческой базы учащихся. Его преподавание способствовало не только религиозному просвещению, но и реализации более широкой цели — воспитанию личности в духе православных ценностей, верности престолу и уважения к установленному порядку.

Во всех типах учебных заведений Российской империи преподавание Закона Божьего сохраняло неизменный характер, выступая одной из наиболее стабильных составляющих образовательного процесса. Организация школьного дня также отражала приоритетность религиозного компонента: занятия начинались и завершались коллективной молитвой, что имело не только воспитательное, но и ритуально-символическое значение, подчеркивая духовные основы повседневной жизни учащихся.

Анализ ежегодных отчетов губернских дирекций училищ позволяет выявить характерную особенность — информация о преподавании Закона Божьего систематически размещалась в начале отчетных документов. Этот факт указывает на официально закреплённый приоритет данной дисциплины в рамках всей системы народного образования. Особая роль предмета находит отражение и в формально-бюрократической практике: в аттестатах об окончании гимназии подпись законоучителя размещалась выше подписей преподавателей других предметов. Такая иерархия в оформлении выпускной документации наглядно иллюстрирует ведущую роль религиозного воспитания в образовательной политике Российской империи первой половины XIX в. и подчеркивает статус Закона Божьего как неотъемлемого инструмента формирования лояльного и духовно ориентированного гражданина.

9 марта 1812 г. училищный комитет Казанского университета предписал всем учебным заведениям организовать обучение юношей «Закону Божию, согласно

ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, с 4 до 6 часов в неделю». Преподавать дисциплину поручалось наставникам, которые находились в должности при уездных училищах. Оплачивать труд педагога должен был приказ Общественного Призрения — «по 100 рублей в год».

14 августа 1826 г. был издан именной указ начальника Главного штаба Его Императорского Величества, адресованный обер-прокурору Святейшего Синода, «О составлении учебной книги для преподавания Закона Божия в светских учебных заведениях и в военных училищах» [2, с. 853]. В данном документе подчеркивалось, что «Государю Императору благоугодно, чтобы для единообразного преподавания Закона Божия во всех вообще светских учебных заведениях и в особенности в военных училищах составлена была по ведомству духовного начальства приличная для сего учебная книга» [2]. Этот шаг отразил стремление государственной власти к стандартизации религиозного образования и его интеграции в общую структуру просвещения. В том же году с целью отбора и рецензирования соответствующих материалов был учрежден специальный орган — «Комитет для рассматривания учебных пособий».

Примечательно, что Закон Божий не функционировал в учебной системе как изолированный предмет. Он демонстрировал тесные межпредметные связи с такими дисциплинами, как русский язык, отечественная и зарубежная история, русская словесность, а также философская пропедевтика, включающая курсы логики и психологии. В рамках этих взаимосвязей религиозные знания не только дополняли, но и структурировали гуманитарное образование, придавая ему нравственно-идеологическую направленность.

Следует подчеркнуть, что значимость Закона Божьего выходила за рамки его положения в расписании или роли на экзаменах, которые, как известно, традиционно открывались именно этим предметом. Он выполнял функцию концептуального стержня всего учебного процесса в гимназиях. Да и сама организация учебного года была соотнесена с церковным календарем: даты начала и окончания занятий, а также продолжительность каникул напрямую зависели от православного литургического цикла, смысл и содержание которого подробно разъяснялись на соответствующих уроках. Таким образом, Закон Божий выступал не только в роли учебной дисциплины, но и в качестве важнейшего элемента воспитательной системы, органически соединяя учебную и духовно-нравственную составляющие гимназического образования.

Особое внимание в системе российского образования XIX–XX вв. уделялось роли законоучителя — преподавателя, отвечавшего за обучение Закону Божьему и религиозно-нравственное воспитание учащихся. Его деятельность была тесно связана как с учебным процессом, так и с общей воспитательной работой в образовательных учреждениях. Законоучитель не только проводил занятия, но и следил за моральным обликом воспитанников, за соблюдением ими религиозных норм и традиций [3, с. 27].

Несмотря на признанную значимость должности законоучителя в системе народного образования, в отдельных случаях священнослужители, назначенные для преподавания Закона Божьего, могли быть освобождены от непосредственного проведения уроков по данной дисциплине. Подобная практика, как правило,

объяснялась объективными обстоятельствами — загруженностью приходской деятельностью, состоянием здоровья или нехваткой времени для регулярной педагогической работы.

Однако даже при отсутствии преподавательской деятельности в традиционном смысле их функции не утрачивали своей актуальности. На законоучителей по-прежнему возлагалась обязанность осуществлять надзор за религиозно-нравственным воспитанием учащихся, следить за качеством преподавания предмета другими лицами (если таковые привлекались), а также обеспечивать соответствие образовательного процесса церковным установлениям и государственным нормативам.

Это означало, что священник продолжал осуществлять надзор за качеством преподавания религиозных дисциплин, следил за правильностью изложения материала, посещал занятия и курировал работу назначенного преподавателя. Таким образом, даже если священник не вел уроки лично, он оставался главным ответственным лицом за преподавание предмета в учебном заведении [4, с. 138].

Законоучитель, как правило, находился в административном и духовном подчинении у приходского священника, который осуществлял надзор за содержательной стороной преподавания Закона Божьего и следил за его соответствием установленным церковным канонам. Такая иерархическая структура обеспечивала тесную связь между школьным обучением и приходской духовной жизнью, способствуя сохранению единства религиозно-нравственных ориентиров в воспитании подрастающего поколения.

Кроме повседневного контроля, священник принимал активное участие в ключевых моментах учебного процесса. В частности, его присутствие на переводных и выпускных экзаменах было обязательным. В ходе этих мероприятий он не только наблюдал за ходом экзаменационных процедур, но и лично оценивал уровень религиозной подготовки учащихся. Такая практика подчеркивала высокий статус Закона Божьего в образовательной системе и усиливала авторитет Церкви в делах просвещения, реализуя функции священника как духовного наставника.

Он также регулярно присутствовал на молитвах, проводимых в учебном заведении, и координировал всю религиозно-нравственную воспитательную работу среди учеников. За эти обязанности учредители школы могли выделять священнику дополнительное вознаграждение, что подчеркивало значимость религиозного воспитания в системе образования.

Общее руководство преподаванием Закона Божьего в учебных заведениях осуществлялось на более высоком уровне — за этим процессом наблюдал епархиальный архиерей. Именно он следил за тем, чтобы обучение проводилось согласно установленным правилам и соответствовало требованиям православной церкви. В его обязанности входила проверка методики преподавания, контроль за соблюдением расписания занятий и анализ успеваемости учащихся по данному предмету [5, с. 86].

Важное место занимали вопросы назначения и увольнения законоучителей. Все кадровые решения в отношении преподавателей Закона Божьего принимались училищным епархиальным начальством. Если руководство учебного заведения выражало желание уволить законоучителя, церковные власти требовали, чтобы такое решение не принималось без предварительного обсуждения с ними. Это правило подчеркивало, что законоучители находились в двойном

подчинении — с одной стороны, под управлением учебных властей, с другой — под надзором церковного начальства. Администрация учебных заведений обязана была регулярно уведомлять церковные органы обо всех решениях, касающихся преподавания Закона Божьего, а также о любых кадровых изменениях в штате законоучителей.

Отдельным вопросом регулировался отпуск законоучителей. В отличие от светских преподавателей, которые получали отпуск согласно распорядку Министерства народного просвещения, законоучители могли воспользоваться отпуском только с разрешения епархиального начальства, которое, в свою очередь, согласовывало этот вопрос с дирекцией учебного заведения.

С февраля 1834 г. преподаватели Закона Божьего были официально наделены правом на пенсионное обеспечение и единовременные пособия, что было закреплено в нормативных актах, изданных Министерством народного просвещения. Это нововведение стало важным шагом в социальной защите педагогов, занимавшихся преподаванием религиозных дисциплин, и отражало растущее признание их труда как значимой составляющей образовательной системы.

Введение пенсионных выплат и пособий для законоучителей стало частью более широкой государственной политики по улучшению материального положения преподавательского состава, особенно в контексте усиления религиозного воспитания в учебных заведениях. Таким образом, это решение не только предоставляло финансовую безопасность для священнослужителей, но и способствовало укреплению институциональной стабильности в системе преподавания Закона Божьего.

Данный шаг позволял законоучителям рассчитывать на социальную поддержку в случае выхода на пенсию или необходимости получения материальной помощи [5, с. 146].

В средних учебных заведениях Российской империи законоучители официально приравнивались к преподавателям общеобразовательных дисциплин (наставникам), что существенно повышало статус этой категории педагогов в системе народного образования. Данное решение означало, что священнослужители, исполняющие функции законоучителей, пользовались теми же служебными правами и привилегиями, что и учителя других дисциплин аналогичного уровня.

Приравнивание законоучителей к преподавателям наук закрепляло их роль не только как религиозных наставников, но и как полноправных участников педагогического процесса, что обеспечивало им доступ к тем же материальным и социальным льготам. Такое законодательное решение способствовало повышению профессионального статуса законоучителей и их интеграции в общую структуру образовательной системы, а также подчеркивало значимость религиозного образования в контексте воспитания молодого поколения [6, с. 258]. Их статус соответствовал положению государственных служащих, что подчеркивало значимость законоучителей в системе образования.

Таким образом, роль законоучителя в образовательной системе первой половины XIX в. была крайне важной. Он не только преподавал Закон Божий, но и осуществлял воспитательную работу, следил за нравственным развитием учащихся и контролировал их религиозное поведение. Его деятельность курировалась как учебными, так и церковными властями, что делало его положение уникальным. Высокий статус законоучителя, предоставление ему служебных привилегий

и возможность получения пенсии подчеркивали его особую роль в формировании духовно-нравственного воспитания [7, с. 8].

Однако на практике в Астраханской мужской гимназии законоучителя часто находились на самостоятельном обеспечении. У руководства гимназии нередко не было средств платить им жалование.

Работа законоучителей — священников или преподавателей Закона Божия в учебных заведениях — тщательно контролировалась руководством Министерства народного просвещения и Святейшим Правительствующим Синодом. Был введен учет пропущенных уроков без уважительных причин [8, с. 335].

14 апреля 1841 г. Св. Синодом издается указ, в котором сказано, что «для удобнейшего наблюдения за точным исполнением означенными лицами своих обязанностей епархиальные начальства имеют получать от местных училищных начальств по истечении каждого полугодия ведомости о числе пропущенных законоучителями уроков с показанием причин отсутствия их» [9, с. 94].

Одним из важнейших этапов в развитии гимназического образования стал Устав 1864 г., который оказал значительное влияние на организацию и структуру учебного процесса в средних учебных заведениях Российской империи. В частности, Устав не только делил гимназическое образование на два направления — классическое и реальное, но и установил новые принципы назначения законоучителей в гимназиях и прогимназиях.

Согласно Уставу, законоучители данных учебных заведений назначались их начальниками, однако этот процесс включал обязательную процедуру предварительного одобрения кандидатов местным епархиальным начальником. После этого кандидатура законоучителя утверждалась попечителем учебного округа, что обеспечивало определенный уровень контроля и соответствия назначения религиозных педагогов официальным церковным и образовательным стандартам. Это нововведение усиливало связь гимназий с церковной иерархией и подчеркивало важность религиозного образования в контексте образовательной политики того времени [9, с. 170].

Об изучении религиозных основ, отличных от православной культуры, говорилось следующее: «...обучение иноверцев Закону Божию производится по возможности в каждой гимназии и прогимназии с особого разрешения министра народного просвещения на счет государственного казначейства или специальных средств заведения» [10, с. 36].

Изначально предполагалось, что преподавателем станет соборный священник Евимий Алевдин, который уже преподавал в Астраханском уездом училище, однако он отказался, сославшись на занятость, поэтому преподавателем новой дисциплины в Астраханской мужской гимназии стал библиотекарь духовной семинарии священник Входо-Иерусалимской церкви Самуил Степанович. Однако Евимий Алевдин все же был назначен преподавателем в гимназию в мае 1812 г., где исполнял обязанности до ноября 1818 г. [11, с. 352].

Временно обязанности законоучителя исполнял также преподаватель истории Игнатьев, пока консистория не определила на эту должность священника Рождество-Богородицкой церкви Григория Лампадчикова. Ревизия 1820 г. показала, что преподавание велось недолжным образом, за что законоучитель и был отстранен от выполнения своих обязанностей.

За период XIX в. в Астраханской мужской гимназии сменилось немногим более 40 законоучителей, и главной причиной этому стали сложности совмещения преподавания и церковных обязанностей.

В обязанности законоучителей по распоряжению Училищного комитета Казанского университета входило чтение Нового завета даже по воскресным и праздничным дням, а также награждение отличившихся учеников «Евангелием на русском и славянских языках» [12, с. 14].

Ученики гимназии всегда принимали участие в православных праздниках, были гостями в храмах. Например, на 300-летие епархии ученики читали очерки о важности церкви в истории края, а на 400-летие присутствовали на торжественном молебне на Кремлевской площади.

В Саратовской мужской гимназии первым законоучителем стал Федор Степанович Вязовский, который, по воспоминаниям современников, был «строгий и нетерпеливый», а также «нередко ставил учеников на колени» [13, с. 32].

Его сменил настоятель Покровской церкви священник-магистр Павел Никитич Смирнов, занимавший должность законоучителя саратовский гимназии с 1846 по 1858 г.

В 1835 г. директор гимназии Рыбушкин получил от попечителя предложение ввести в Астраханской мужской гимназии преподавание армянского языка, а вместе с ним и армяно-григорианского закона Божьего [14, с. 78]. В отчете за 1838 г. впервые упоминается новая дисциплина, которую на безвозмездной основе преподавал священник Мельхиседек Юзбашев. Он происходил из астраханских армян и закончил Агабабовское училище, где позже и преподавал.

Из отчетов следует, что преподавание этой дисциплины продолжилось в 1859 г., когда законоучителем был назначен священник Петропавловской армянской церкви Сукиасов.

В 1883 г. армянский епископ выступил с просьбой о пересмотре количества учебных часов в неделю, отводимых на Закон Божий, а также о плате за преподавание из средств гимназии. В ходе обсуждения данного вопроса выяснилось, что все это время армянский язык и Закон Божий велись бесплатно, а количество часов никогда не превышало два часа в неделю. В связи с тем что в гимназии обучалось всего 28 армянских детей, эти дисциплины не носили обязательного характера и велись во внеурочное время, было принято решение не увеличивать количество часов на их изучение. На вопрос об оплате директор гимназии М.И. Рубцов ответил, что «не находит возможным» платить из средств учебного заведения [15, с. 476]. Учебный округ в 1887 г. потребовал возложить обеспечение уплаты жалования «на родителей и благодетелей из армян» [16, с. 480].

В итоге тяжбу оплаты труда предателей взял на себя епископ, который распорядился выделить 200 рублей «из церковных сумм» [16, с. 512]. Тогда же была впервые представлена программа обучения по «Закону Божию древнеармянской церкви». Она включала в себя несколько ступеней — от подготовительного до 8 класса. Так, например, в подготовительном классе, согласно программе, изучались десять заповедей и молитвы утренняя и вечерняя, а также при входе в храм. Первый класс включал в себя вопросы, посвященные Рождеству и Крещению Христову. Второй год обучения затрагивал тему Символа веры, а третий — учреждение Господских праздников. На четвертом году обучения ученики знакомились с историей Ветхого

завета, на пятом — с Новым заветом. В шестом классе, согласно программе, ученики изучали «учение христианской веры по догмам древне-апостольской армяно-григорианской церкви». Последние два года были посвящены истории армянской церкви и основам богослужения.

Таким образом, мы видим, что армянскому богослужению уделялось немало внимания в общей программе Астраханской мужской гимназии. Преподавание основ армянского вероисповедования в классической гимназии являлось важным элементом национальной политики Российской империи в области образования, свидетельствующим о всесторонней поддержке малых народов.

Эта тенденция продолжилась и в отношении лютеранского образования. В 1848 г. Казанский учебный округ распорядился: «Евангелическо-Лютеранская Генеральная Консистория признает полезным для образования лютеранского юношества преподавать Закон Божий лютеранского исповедования в Пензенской, Нижегородской, Саратовской, Астраханской и Казанской гимназиях» [16, с. 235]. Важность введения новой дисциплины была отмечена министром народного просвещения. Новая дисциплина вводилась в курс для гимназистов лютеранского вероисповедования. Она предполагала переводной экзамен и была внесена в аттестат. В Астраханской мужской гимназии преподавание началось только в 1862 г. пастором Гольштермом на немецком языке.

В 1857 г. настоятель Астраханской Римско-Католической церкви обратился к директору гимназии с предложением начать преподавание Закона Божьего для учащихся католиков [16, с. 543]. Просьба была удовлетворена на условиях, что преподавание будет бесплатным и во внеурочные часы. В последующие годы преподавание основ католицизма запрещалось в связи с малочисленностью учащихся-католиков. Возрождается оно только к 1888 г., а с 1903 г. министерство даже разрешило выдавать законоучителю римско-католического вероисповедования вознаграждение из средств гимназии в размере 60 руб. в год [16, с. 287].

Таким образом, государство и руководство гимназии не препятствовало, а иногда и содействовало всестороннему развитию учеников, которые представляли конфессиональные меньшинства в Астрахани — лютеран и католиков.

Отдельно стоял вопрос о введении в гимназии преподавания иудейского Закона Божьего. Астраханский раввин в 1902 г. обращался к директору С.А. Богатыреву с просьбой начать преподавание этой дисциплины в гимназии, однако получил отказ. Только в 1905 г. по распоряжению попечителя Казанского учебного округа разрешалось начать преподавание одного урока в неделю для младшей группы и двух уроков — для старшей без денежного вознаграждения преподавателю. К исполнению обязанностей приступил раввин Икон Янкевич Шухер, которого сменил Израиль Пейсахович Каплан [16, с. 672].

Даже несмотря на неоднозначность отношения к еврейскому народу на рубеже веков, преподавание столь важной дисциплины для учащихся-евреев являлось показателем благосклонности и веротерпимости государственной национальной политики.

Стоит отметить, что преподавание основ ислама и буддизма в гимназии никогда не обсуждалось, в отличие от языков исламских стран — соседей Астрахани, которое велось практически на протяжении всего периода существования гимназии.

Таким образом, проанализировав развитие религиозного просвещения, можно сделать вывод о том, что в отношении образования национальная и религиозная политика учитывала интересы народов и конфессий, представленных в регионе. Конечно, нельзя не заметить, что работа эта велась на добровольных началах и никак не оплачивалась, однако в то же время и препятствий для ее проведения не существовало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 гг. включительно) / сост. С.В. Калашников. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1896. 368 с.
2. Полное собрание законов Российской империи повелением государя императора Николая Павловича. Собр. II. Т. I. (с 12 дек. 1825 по 1827 гг.). СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. 1527 с.
3. Соколов Д.П. Преподавание Закона Божия // Руководство к преподаванию общеобразовательных предметов. Т. 1–2 / под ред. Н.Х. Весселя. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1873–1874.
4. Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи Александра II. М.: Польза; В. Антик и К°, 1910. 240 с.
5. Лиценбергер О.А. Евангелическо-Лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М.: Фонд «Лютеранское культурное наследие», 2003. 544 с.
6. Синельников С. П. Роль законоучителя в религиозном образовании и воспитании детей в дореволюционной школе (по материалам журнальной периодики) // Гуманитарные и социальные науки [электронный журнал]. 2010. № 3. С. 257–267.
7. Калинина Е.А. Закон Божий в русской школе первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2014. Вып. 4. С. 85–97.
8. Соколов Д.П. Исторический очерк преподавания Закона Божьего в светских учебных заведениях // Собрание педагогических статей о преподавании Закона Божия, отпечатанных (1861–1888 гг.) в различных повременных изданиях. СПб.: тип. А. Бенке, 1900. С. 145–178.
9. Бычкова В.М. Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика, психология. 2009. Вып. 2 (12). С. 7–20.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX (1864 г.). № 41068. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Его Имп. Величества Канцелярии, 1867. 976 с.
11. Мозгов К.А. Преподавание Закона Божьего и использование катехизической литературы в гимназиях и в других средних светских учреждениях Российской империи в XIX — начале XX века // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1 (№ 49). С. 10–32.
12. О Евангелическо-Лютеранской церкви в Российской Империи // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. XIX. Отд. II. Кн. 8. СПб.: [б.и.], 1856. С. 1–39.
13. Лавицкая М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX — начале XX в. // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 8 (76). С. 335–343.
14. Мамкина И.Н. Правовой статус преподавателей Закона Божьего в светских учебных заведениях // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2021. Т. 36. С. 32–39.

15. Синельников С.П. Религиозное и антирелигиозное содержание в преподавании истории в дореволюционной и советской школе // Преподавание истории в школе. 2010. № 7. С. 23–25.
16. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, 1914. 846 с.

REFERENCES

1. *Alfavitnyj ukazatel dejstvuyushhih i rukovodstvennyh kanonicheskikh postanovlenij, ukazov, opredelenij i rasporyazhenij Svjatejshego Pravitelstvujushhego Sinoda (1721–1895 gg. vključitelno)*, sost. S.V. Kalashnikov. 2-e izd-e, ispr. i dop. [Alphabetical Index of Current and Guiding Canonical Decrees, Orders, Definitions and Orders of the Holy Governing Synod (1721–1895 Inclusive), comp. by S.V. Kalashnikov, 2nd ed., cor. and suppl.]. Harkov, Tip. Adolfa Darre, 1896, 368 p. (in Russ.)
2. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii poveleniem gosudarja imperatora Nikolaja Pavlovicha, sobr. II, t. I (s 12 dek. 1825 po 1827 gg.)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire by Order of the Sovereign Emperor Nicholas Pavlovich, coll. II, vol. I (from December 12, 1825 to 1827)]. St. Petersburg, Tip. II otd-nija Sobstv. Ego Imp. Velichestva Kanceljarii, 1830, 1527 p. (in Russ.)
3. Sokolov D.P. Prepodavanie Zakona Bozhija [Teaching the Law of God]. In: *Rukovodstvo k prepodavaniju obshcheobrazovatelnyh predmetov, t. 1–2, pod red. N.H. Vesselja* [Guide to Teaching General Education Subjects, Ed. by N.H. Vessel]. St. Petersburg, tip. V.S. Balashev, 1873–1874. (in Russ.)
4. Knyazkov S.A., Serbov N.I. *Oчерк istorii narodnogo obrazovanija v Rossii do epohi Aleksandra II* [An Essay on the History of Public Education in Russia before the Era of Alexander II]. Moscow, Polza, V. Antik i K°, 1910, 240 p. (in Russ.)
5. Lichenberger O.A. *Evangelicheskoe-Ljuteranskaja cerkov v rossijskoj istorii (XVI–XX vv.)* [Evangelical Lutheran Church in Russian History (16th–20th Centuries)]. Moscow, Lutheran Cultural Heritage Foundation, 2003, 544 p. (in Russ.)
6. Sinelnikov S.P. Rol zakonouchitelja v religioznom obrazovanii i vospitanii detej v dorevoljucionnoj shkole (po materialam zhurnalnoj periodiki) [The Role of the Religious Teacher in Religious Education and Upbringing of Children in Pre-revolutionary Schools (Based on Materials from Periodicals)], *Gumanitarnye i socialnye nauki* = Humanities and Social Sciences, 2010, No. 3, pp. 257–267.
7. Kalinina E.A. Zakon Bozhij v russkoj shkole pervoj poloviny XIX v. [The Law of God in Russian School in the First Half of the 19th Century], *Vestnik PSTGU II, serija: Istorija. Istorija Russkoj pravoslavnoj cerkvi* = PSTGU Bulletin II, Series: History. History of the Russian Orthodox Church, 2014, No. 4, pp. 85–97 (in Russ.)
8. Sokolov D.P. Istoricheskij oчерk prepodavanija Zakona Bozhiego v svetskikh uchebnyh zavedenijah [A Historical Sketch of the Teaching of the Law of God in Secular Educational Institutions]. In: *Sobranie pedagogicheskikh statej o prepodavanii Zakona Bozhija, otpechatannyh (1861–1888 gg.) v razlichnyh povremennyh izdaniyah* [A Collection of Pedagogical Articles on the Teaching of the Law of God, Published (1861–1888) in Various Periodicals]. St. Petersburg, tip. A. Benke, 1900, pp. 145–178. (in Russ.)

9. Bychkova V.M. Nekotorye momenty iz istorii prepodavaniya Zakona Bozhija v Rossii [Some Moments from the History of Teaching the Law of God in Russia], *Vestnik PSTGU IV, serija: Pedagogika, Psihologija* = Bulletin of PSTGU IV, Series: Pedagogy, Psychology, 2009, No. 2 (12), pp. 7–20 (in Russ.)
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, sobr. II, t. XXXIX (1864 g.), No. 41068* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Coll. II, Vol. XXXIX (1864), No. 41068]. St. Petersburg, Tip. II otd-nija Sobstv. Ego Imp. Velichestva Kanceljarii, 1867, 976 p. (in Russ.)
11. Mozgov K.A. Prepodavanie Zakona Bozhiego i ispolzovanie katehizicheskoi literatury v gimnaziyah i v drugih srednih svetskikh uchrezhdenijah Rossijskoj imperii v XIX — nachale XX veka [Teaching the Law of God and the Use of Catechetical Literature in Gymnasiums and Other Secondary Secular Institutions of the Russian Empire in the 19th — early 20th Centuries], *Vestnik Svjato-Filaretovskogo instituta* = Bulletin of the St. Philaret Institute, 2024, Vol. 16, Vyp. 1 (No. 49), pp. 10–32. (in Russ.)
12. O Evangelichesko-Ljuteranskoj cerkvi v Rossijskoj Imperii [About the Evangelical Lutheran Church in the Russian Empire]. In: *Zhurnal Ministerstva Vnutrennix Del, ch. XIX, otd. II, kn. 8* [Journal of the Ministry of Internal Affairs, Part XIX, Section II, Book 8]. St. Petersburg, 1856, pp. 1–39. (in Russ.)
13. Laviczka M.I. Pravovoe polozhenie duhovnogo soslovija v Rossii v XIX — nachale XX v. [The Legal Status of the Clergy in Russia in the 19th — Early 20th Centuries.], *Vestnik TGU* = TSU Bulletin, 2009, No. 8 (76), pp. 335–343. (in Russ.)
14. Mamkina I.N. Pravovoj status prepodavatelej Zakona Bozhiego v svetskikh uchebnykh zavedenijah [Legal Status of Teachers of the Law of God in Secular Educational Institutions], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, serija: Istoriya* = News of Irkutsk State University, Series: History, 2021, No. 36, pp. 32–39. (in Russ.)
15. Sinelnikov S.P. Religioznoe i antireligioznoe sodержanie v prepodavanii istorii v dorevoljucionnoj i sovetской shkole [Religious and Anti-religious Content in the Teaching of History in Pre-revolutionary and Soviet Schools], *Prepodavanie istorii v shkole* = Teaching History in School, 2010, No. 7, pp. 23–25. (in Russ.)
16. Ostroumov T. *Istoricheskij ocherk Astraxanskoj 1-j muzhskoj gimnazii za vremja s 1806 po 1914 god* [Historical Essay on the Astrakhan 1st Male Gymnasium from 1806 to 1914]. Astrakhan, 1914, 846 p. (in Russ.)

Петров Анатолий Сергеевич, аспирант, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, bayern1993@inbox.ru

Anatoly S. Petrov, PhD post-graduate Student, Astrakhan Tatishchev State University, bayern1993@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2025. Принята к публикации 03.09.2025

The paper was submitted 14.04.2025. Accepted for publication 03.09.2025